

„НЕЗАМЕТНЫЕ“ ГЕРОИ

СОРОК лет творит он на сцене театра имени Хамзы. В созданной им галерее образов нет ни короля Лира, ни царя Эдипа, ни поэта Навои, ни батрака Гафура — любимые герои актера Гани Агзамова те, в ком нет, на первый взгляд, ничего героического, те, кого можно было бы назвать «чужаками простолудинами».

Именно так определил в свое время Энгельс шекспировских персонажей — представителей народа. Среди них, конечно, и Пьетро в «Ромео и Джульетте», и Ланс из комедии «Два веронца»: в спектакле театра имени Хамзы их превосходно сыграл Гани Агзамов. Сыграл так, что определение Энгельса обрело «плоть и кровь». В Лансе-Агзамове были простосердечие, добродушие, чужаковатость и наивность. За его медлительностью и меланхолией виделся человек по-своему умный и сметливый, сохранивший при всей неуклюжести чувство собственного достоинства.

К «чужакам простолудинам» можно отнести и большинство других персонажей, оживших на сцене благодаря таланту Гани Агзамова.

Я навсегда запомнил его колхозного счетовода Арсланшера из «Настоящей любви» А. Якубова. Никогда не унывающий, неразлучный с шуткой Арсланшер-Агзамов по общественной сути своей — глубоко народный характер. По художественному же своему строю — это лирико-комедийный образ, в воплощении которого причудливо слились гротесковые приемы с мягкой бытовой прорисовкой. За нелепой внешностью, неожиданными поступками и смешным поведением Арсланшера актер открыл внутреннюю красоту человека, для которого труд и есть его настоящая любовь.

Сравнительно недавно Агзамов в том же лирико-комедийном ключе сыграл незадачливого лектора Ашуралиева в «Милых моих матушках» А. Каххара: специфический образ, в котором явно чувствуется ироническое отношение актера к своему герою.

В ином качестве эта ироническая оценка выступила в другой роли Агзамова — в Омонере из «Кровавого миража» С. Азимова. Омонер-Агзамов по натуре своей добр, мягок, у него отзывчивое сердце, но он пассивен, не способен к простоту. Актер находил такие краски комического, которые показывали, что Омонер подтрунивает над собой, порой даже себя осуждает. В смехе, который он вызвал, — и сочувствие, и эмоциональная критика его безволия.

В лирико-философской драме Р. Тагора «Почта» запечатлелась буквально промелькнувшая фигура художавого человека — врача. Появившись на мгновение, Агзамов успел передать и добрую душу лекаря, и убеждение врача в бесполезности его наставлений, и привычное (хотя и стыдливое) устремление «к гонорару». Другая «пантомима» — на тему о муже, затравленном супругой, — сыграна была актером в спектакле «Дочь Ганга» по роману того же Тагора

«Крушение». То была почти бессловесная фигура человека, издающего нечленораздельные звуки или просто подавленно-молчаливого. Но какое это «говорящее молчание»! За поворотом головы, бессильно разведенными руками видны все тяготы и муки семейной жизни. Когда он бросал беглые, испуганные, но теплые взгляды на людей, словно ища у них сочувствия, или пытался, крадучись, незаметно передать апельсин уличному мальчишке, — можно было догадаться, что у него доброе сердце и отзывчивая душа. Он вызывал и смех, и симпатии.

Так безымянные герои Агзамова, названные просто «доктор», «муж Набинкали», обрели в исполнении Агзамова свою биографию, свой характер, свое лицо.

Вот обо всем этом я давно собирался написать, но все как-то откладывал. Теперь после участия Гани Агзамова в комедии «Золотая стена» Эркина Вахидова, поставленной в театре имени Хамзы Ташходжой Ходжаевым, я уже просто не могу не написать о Гани Агзамове.

Можно спорить по поводу того, насколько последовательно выражен в комедии ее общественный смысл; посоветовать, что не все хитросплетения внутренне оправданы. Но я не погрешу про-

тив истины, если напишу, что в центре постановки — Агзамов в роли пожилого узбека Мумина — сторожа одного из магазинов.

О том, как случайная находка кувшина с золотыми монетами произвела с некоторыми действующими лицами странные и неожиданные метаморфозы, как «заболел» из-за этого честный труженик, человек открытой и доброй души Мумин, как протекало у него это «заболевание», как лихорадило его и как он выздоровел — обо всем этом Агзамов рассказал необыкновенно смешно, с поразительной верой в предлагаемые обстоятельства. Рассказал так, что призвал каждого к бдительности. Ибо оказалось, что «желтый дьявол» может, хоть и ненадолго, но «попутать» и хорошего, настоящего человека, так как еще не пришло то время, о котором мечтал В. И. Ленин: «Когда мы победим в мировом масштабе, мы, думаем, мне, сделаем из золота общественные отхожие места на улицах нескольких самых больших городов мира».

В роли Мумина полно раскрылись главная тема Агзамова, особенности его дарования, исполнительская манера. Как и в других его лучших ролях, он познакомил нас с истинно «золотыми» свойствами характера простого человека-труженика, раскрыл их необычайно впечатляюще теми средствами сценической выразительности, в которых Агзамов особенно силен. Я имею в виду его склонность к пантомиме и импровизации, к диалогам, построенным на острословии. Умение устанавливать живой, быстрый и тесный контакт с аудиторией, которое выдающийся советский режиссер Г. Товстоногов считает важнейшим признаком достоверности мысли и чувства в современном театре. Велико епическое ощущение Агзамовым стихии народного юмора с его добросердечием и детской доверчивостью. Все это говорит о крепких связях актера с национальными художественными традициями, преобразованными в его искусстве. Искусство Агзамова примечательно гармоничным сочетанием традиционного и современного.

Гани Агзамов относится к тем художникам сцены, в творчестве которых сочетаются смелая характерность и пафос, юмор и трогательность. За несурзной внешностью его персонажей открываются их истинно человеческие чувства. В воссозданных народных характерах он прежде всего выявляет гуманистическое начало.

Пойдите в театр «на Агзамова», и вы убедитесь в этом!

Я. ФЕЛЬДМАН.
Театральный обозреватель «Правды Востока».